

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Евгений
Рудашевский
ГОРОД
СОЛНЦА
СЕРДЦЕ МГЛЫ

КомпасГид
издательский дом

Город Солнца

Евгений Рудашевский

Город Солнца. Сердце мглы

ИД "КомпасГид"

2020

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Рудашевский Е.

Город Солнца. Сердце мглы / Е. Рудашевский — ИД
"КомпасГид", 2020 — (Город Солнца)

ISBN 978-5-00083-727-6

Перед вами – четвёртая, заключительная книга серии «Город Солнца». Серии, объединившей в себе детектив, семейную сагу и триллер. Еще семь месяцев назад студенты московского Политеха даже не подозревали, что отправятся в Индию, потом в Шри-Ланку, а затем пересекут океан и окажутся в Перу. Отчаянные странствия героев окончатся в дождевых лесах Латинской Америки. Максим и его друзья идут по следам экспедиции перуанского плантатора Карлоса дель Кампо и русского мануфактурщика Алексея Затрапезного, основавших в дебрях Амазонии легендарный Город Солнца. Именно здесь будет раскрыта величайшая тайна цивилизации чавин, которую оберегали столетиями избранные со всего света. Евгений Рудашевский (родился в 1987 году) – лауреат множества премий, в том числе «Книгуру» и им. В. П. Крапивина. В 2017 году его книга «Ворон» была включена экспертами Международной мюнхенской юношеской библиотеки в список «Белые вороны». И такое признание не случайно: его стиль узнаваем, а темы близки современным подросткам и young adult. Визитными карточками автора уже стали повесть о взаимоотношениях человека и природы «Здравствуй, брат мой Бзоу!» и приключенческий роман «Солонгó. Тайна пропавшей экспедиции». Тетралогия «Город Солнца» продолжает столь важную для автора тему взросления, поиска себя и своего предназначения.

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-727-6

© Рудашевский Е., 2020

© ИД "КомпасГид", 2020

Содержание

Глава первая. Экспедиция	7
Глава вторая. Ловушка	11
Глава третья. Бивак	17
Глава четвёртая. Старая ведьма	22
Глава пятая. Два беглеца	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Рудашевский

Город Солнца. Сердце мглы

© Рудашевский Е. В., текст, 2020

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2020

In angello cum libello

*Кто видел всю вселенную, кто постиг пламенные помыслы
вселенной, не станет думать о человеке, о жалких его радостях и
горестях, даже если он и есть тот самый человек.*

Хорхе Луис Борхес

*И эта ночь – конец твоей игры.
И не в неё ли, злую, как ненастье,
летит Земля сквозь сонные миры
игральной костью, брошенной на счастье, -
заиграна уже до круглоты,
летит, чтобы в последнее мгновенье
остановиться в недрах пустоты,
внезапной пустоты исчезновенья.*

Сесар Вальехо

Глава первая. Экспедиция

Аня насторожённо смотрела вперёд. Не знала, чем вызвана очередная заминка. Индейцы в соседних лодках перешёптывались и сдержанно жестикулировали. Голоса звучали тихо, с опаской, так что не удавалось разобрать ни единого слова. Лодка, ненадёжно причаленная к намывному берегу, покачивалась. Аня едва сопротивлялась подступавшей дреме – последние ночи выдались бессонными. Наяву Аню пугала недружелюбность джунглей, в грёзах преследовали кошмары. Ей снился окровавленный Корноухов. Снились убитые Джерри и Погосян. Наконец, снился Мадрид – тот день, когда Аня, умолчав об истинной причине своего возвращения, сообщила родителям о переезде в Москву.

Взревел мотор, и по ближайшим лодкам прошло оживление. В воздухе запахло бензином. Хорхе, сидевший на носу, с видимым облегчением оттолкнулся от берега. На днях он говорил, что диких индейцев в здешних местах нет, но прежде тут случались кровавые столкновения между враждующими племенами, и Хорхе советовал Ане не отбиваться от экспедиции.

Впереди плыли две плоскодонки – разведывали русло извилистого притока. Замыкали экспедиционную эскадру нагруженные поклажей баркасы, а между баркасами и плоскодонками нестройным рядом вытягивались ещё семь лодок: побольше, с подвесным мотором, и поменьше, с мотором-веслом, – на одной из таких уже восьмой день плыли Аня, Зои и Екатерина Васильевна.

Поначалу заминок не случалось – плёсы сменяли друг друга, берега по обе стороны лежали низкие, заросшие перистым подлеском и стройными мачтами пушечных деревьев. Но постепенно берег поднимался над водой всё выше, пока не превратился в череду обрывистых холмов, под которыми ютились сорные заводы и отмели.

Когда лодки скользнули в узкий приток, по сторонам и вовсе подступили мрачные многоярусные джунгли. Экспедиция угодила в заросли сальвинии. Её листочки, попарно сидевшие на подводных ветках, скопились в таком количестве, что издалика казались единым зелёным полотном. Щетинистые корни наматывались на гребной винт, и Тсовинки, подобно другим кормовым, вынужденно приподнимал над водой и встряхивал двухметровую штангу вала. Прикрытые растительностью коряги норовили пробить борт пиками отшлифованных ветвей – продвигаться приходилось ощупью. Хорхе и другие рулевые активно работали веслом, а обе плоскодонки шли зигзагами, выверяя каждую пядь речного пути.

Берег по обе стороны проявлялся всё реже. Илистые отмели и яры красного песчаника остались позади, а приток превратился в аллею, обставленную густо сплетёнными кустарниками и деревьями. Кроны плакучих исполинов сомкнулись над головой тёмно-зелёным сводом, скребли ветвями по крыше баркасов, и экспедиция задохнулась в затаённой волглой духоте. Аня с удивлением встречала стволы облезлых деревьев, росших посреди русла, – они, словно колонны, подпирали кровлю извилистого лабиринта, – а во время вынужденных остановок подмечала тишину, которую изредка нарушали икающие крики цепкохвостых коат. В подобной изоляции даже шум дождя, то и дело накатывавший на экспедицию, звучал глухо и отдалённо.

Ливни между тем участились, но экспедиция упрямо продиралась вперёд. На заросших участках с сильным встречным течением приходилось продвигаться по двадцатичетырёхпрядному фалу – его крепили к дереву метрах в сорока вверх по течению, после чего принимались хват за хватом подтягивать лодку. И каждые такие сорок метров выматывали индейцев до дрожи в руках. Экспедиция устраивала вынужденный отдых и, лишь добравшись до относительно чистых вод, наконец включала моторы и за каких-то двадцать минут покрывала расстояние, на руках пройденное за долгие шесть или семь часов.

Во время очередной заминки, когда Аня рассматривала уродливую поросль пресноводных губок, рядом причалила ещё одна лодка. Помимо трёх индейцев в ней сидели Дима и Никита Покачалов.

– Странно. Ведь Дельгадо писал и про горно-шахтенное оборудование, и про ртуть... – Дима заметил сестру и, недовольный, притих.

Они в последнее время почти не общались. Ночевали в разных частях лагеря, плыли в разных лодках, да и были приставлены к разным сопровождающим.

– Зачем Городу Солнца и его соляриям ртуть? – продолжил Дима, судорожно обхватив трость и лбом коснувшись её стальной ручки.

– Да, любопытно, – лениво протянул Покачалов. Развалившись на дне лодки и спиной упёршись в скамейку, он обтирал шею платком. Привычно выглядел взмыленным, утомлённым собственной потливостью. – Может, лечились ртутью.

– Лечились? – не понял Дима.

– Ну да. Тогда от жёлтой лихорадки прописывали кровопускание и каломель, то есть хлористую ртуть. Да и вообще, чуть что, советовали паровые ртутные ванны, втирали ртуть в язвы.

– Весело.

– А то.

Дима в последние дни сошёлся с Никитой. Непривычно было слышать, как они общаются почти на равных. Аня не забыла истерику, устроенную Покачаловым в новоарбатской «Изиде», и не понимала, как он согласился лететь в Перу. Впрочем, его согласия никто не спрашивал. В экспедиции собрались многие из тех, кто имел отношение к Шустову-старшему.

– Артуро думает, ртуть в Городе Солнца указывает на золото или серебро. – Дима старался говорить тише, словно не желая, чтобы Аня, Зои и Екатерина Васильевна слышали его слова.

– Ну да... – кивнул Покачалов. – Он вообще много говорит. Золото... А может, и золото.

– А при чём тут ртуть? – поинтересовалась Зои.

Никита отмахнулся влажным платком, всем видом показывая, что не собирается отвечать. Вместо него ответил Дима:

– Если золото мелкое, если... В общем, когда золото не получается промыть обычным способом, в него добавляют ртуть. Она притягивает золотой песок, скатывается с ним в единую массу, а весь мусор отталкивает.

– Ртуть его в себе растворяет?

– Ну... да.

– Что да? – не сдержался Покачалов. – Ничего она не растворяет. Ртуть смачивает золото. И получается амальгама.

– Потом ртуть выпаривают, – поспешил добавить Дима. Где он этого понабрался? – Ртуть испаряется, а чистое золото остаётся.

– Ну, не совсем чистое, но да, остаётся, – кивнул Покачалов. – И чем дольше им любуются, тем больше у тебя изо рта вытекает слюны.

– Заодно от радости выпадают зубы, волосы и начинают дрожать руки.

– И откашливается гной. Тоже от радости.

Дима, довольный таким перечислением, усмехнулся.

Вскоре выяснилось, что сразу двум лодкам пробило дно. Пришлось вытащить их на красноглинистую отмель и там торопливо латать, заодно заменять повреждённый винт одной из лодок с подвесным мотором. Все понимали, что с каждым днём поломок будет больше.

– А чавин? – спросил Дима. – Ртуть как-то связана с цивилизацией чавин и с их «величайшей тайной»?

– *Величайшая тайна*, – буркнул Покачалов. – У Шустова, куда ни плюнь, везде *mysterium tremendum*.

– Значит, нет?

– Нет. Хотя... Не знаю.

– Артуро говорит, ртуть у чавинцев была. Собственно, ничего сложного, – Дима обратился к Зои. – Они добывали киноварь, потом раскаляли её в печах, пока из трещин не начала стекать чистая ртуть.

– Как у тебя просто, – усмехнулся Покачалов. – А главное, всё *чистое*. И золото, и ртуть. Ну добывали они ртуть, и дальше что?

– Вот и я об этом спрашиваю. Пытаюсь увязать факты. Что, если ртуть для Города Солнца указывает не на золото или серебро, а на что-то, связанное с чавин?

Ответа Дима не дождался. Взревели моторы баркасов.

К концу дня экспедиция упёрлась в порожистый, растянутый на болотистые поймы участок, одолеть который не помогли бы ни фалы, ни попытки провести лодки волоком по берегу. Егоров дал команду готовиться к пешему походу. Экспедиция покидала затхлый уют извилистого русла.

Оба баркаса и пять лодок индейцы завели в заводь, где накрепко причалили их канатами. Обе плоскодонки и две малые лодки, с которых сняли моторы, решено было нести с собой наравне с прочими тюками, а при случае использовать для разведки или переправы через строптивые речки.

Вечером Аня сидела на перетянутых брезентом деревянных ящиках с провизией. Молча следила за суетившимися индейцами. Гадала, как долго продлится их путешествие и чем оно закончится. Тайны, связанные с Городом Солнца, Аню давно не интересовали. Она бы запросто согласилась оставить их в прошлом, согласилась бы так никогда и не узнать участь Шустова-старшего и тайны Затрапезного с его другом-плантатором дель Кампо. Только бы вернуться в Москву, обнять маму – сразу, с порога, не позволив ей снять синий, пахнущий выпечкой фартук. Вместе с ней отправиться в загородный дом и, о чём давно мечтала мама,

провести там целый месяц, ухаживая за её цветущим садом, за её гортензиями, туями и барбарисами. Хотя какие в конце октября гортензии...

– Ты как? – Сидевшая рядом Зои положила голову Ане на плечо. Стала неспешно вести пальцем по радужным нитям её плетёного браслета.

– Не думала, что встретимся так скоро? – невпопад спросила Аня.

– Думала.

– Но рассчитывала на шезлонги и песчаные пляжи Гоа?

– В точку, – улыбнулась Зои. – А лучше без шезлонгов.

– Да... Хорошее у нас *приключеньце*?

– Точно. – Зои теснее прижалась к Ане, словно надеясь на время спрятаться от шума готовящегося перехода.

Вздыхнув, Аня огляделась в поисках Димы. Хотела убедиться, что у брата всё в порядке. Скользнула взглядом по противоположному берегу, где под навесом растительности прятались покинутые баркасы, а в следующее мгновение вздрогнула.

– Ты чего? – Зои подняла голову.

Аня не ответила. Смотрела в паутину серых, задрапированных лианами стволов. На одной из веток противоположного берега выделялось ярко-белое пятно. Цапля. Совсем небольшая, едва ли полметра в высоту. Поджав правую лапу и втянув голову в крылья так, что изогнутая шея превратилась в петлю, она стояла неподвижно, то ли готовясь к охоте, то ли отдыхая после рыбного перекуса. Однако цапля Аню не интересовала. Ещё глубже в плотной чаще она уловила силуэт человека. Обман зрения. Мимолётное видение. Но до того чёткое, оформленное.

– Думаешь, там кто-то есть? – прошептала Зои.

Аня, испугавшись её пронизательности, неуверенно пожала плечами.

– Я давно замечаю, – сказала Зои. – Если долго всматриваться.

– Если долго всматриваться, можно многое увидеть, – попыталась отшутиться Аня.

– Нет. Тут другое. Пока все занимаются лодками, лагерем и... остальным, я... Иногда смотрю в джунгли. Исподтишка. Притворяюсь, что задремала или задумалась, а сама смотрю.

– И видишь кого-то?

– Нет. Только силуэты. Промелькнут и исчезнут.

– Силуэты?

– Да. Иногда несколько.

– Думаешь, это Максим?

Безумная мысль, но Аня и раньше, в нижнем лагере под Икитосом, порой позволяла себе обмануться, угадывая его абрис где-то в стороне и представляя, как он ищет случая спасти их с братом, Екатериной Васильевной и тогда ещё живым Павлом Владимировичем.

Зои не ответила. Они с Аней, не сговариваясь, долго смотрели на противоположный берег. Но больше ничего не замечали.

Глава вторая. Ловушка

Доверься джунглям, и они тебя обманут. Под листьями, украшенными пушком, прячутся острые шипы. Благоухающие по ночам соцветия влекут прожорливых насекомых, а под ровным слоем растительного перегноя прячутся змеи, о присутствии которых узнаёшь, когда они, напуганные, ускользают прочь или когда, раззявив пасть, бросаются на тебя. Артуро ненавидел джунгли, однако с почтением смотрел на квёлые ростки фикусов и папоротников, восхищался тем, с какой жадностью они впитывают просачивающийся к земле солнечный свет. Сотни растений ютились в тени древесного великана, поджидая, когда того поразит неизбежная болезнь, когда, казалось бы, непоколебимая туша сейбы или пальмы рухнет, открыв спасительную прогалину в пологе переплетённых крон. Наиболее упрямые и нетерпеливые, вроде чужездных выюнков, лезли вверх вопреки установленной очереди, обхватывали корнями ещё живые деревья, питались их соками и постепенно удушали их в крепнущих объятиях.

В джунглях не найти многовековых деревьев. Артуро надеялся, что солярии понимали эту особенность и на карте, по словам Шустова-старшего, *«составленной скрупулёзно, совсем тщанием в деталях»*, не отмечали растительные ориентиры. К счастью, первый же найденный указатель обнадёжил.

Отшлифованную глыбу крапчатого конгломерата люди Скоробогатова обнаружили в десяти километрах от Омута крови. Сам Артуро не обратил бы на неё внимания, слишком заурядной она казалась со стороны. Обычный валун, заросший деревянистыми растениями, отличающийся от других валунов разве что размером. При ближайшем осмотре удалось разобрать на нём сгладившиеся узоры – маску и солнечную корону Инти-Виракочи. Прочие узоры сливались в совсем неразличимые завитки. Так или иначе, находку Скоробогатов и Покачалов признали ключевой. Не было сомнений, что карта подлинная и ведёт в нужном направлении.

Сам конгломерат был обтёсан в виде продолговатого треугольника с волнистыми зарубками на остром конце. Получилось подобие стрелки, указывавшей направление намеченной кем-то из соляриев тропы. Артуро заподозрил, что именно валун погубил обе туристические экспедиции, следы которых он тщетно искал последние годы. Возможно, наткнувшись на загадочный валун и заинтересовавшись, куда ведёт явно рукотворный указатель, туристы углубились в чащобу и в дальнейшем не смогли из неё выбраться. Правдоподобная теория, хоть она и не объясняла гибель других, более ранних разведывательных и научных экспедиций, проходивших тут с середины шестнадцатого по начало восемнадцатого веков, то есть задолго до того дня, когда Затрапезный и дель Кампо задумали строительство Города Солнца.

– Что-нибудь нашёл? – неожиданно спросил Рауль.

– Нет. – Артуро ускорился вслед за видневшимся впереди рюкзаком одного из носильщиков.

Слишком много вопросов терзало Артуро с того дня, как он переехал в Трухильо и впервые заглянул в оставленный дядей Гаспаром сейф. Переписка дяди с Серхио прибавила загадок. Был ли Город Солнца воплощением идеалов Томмазо Кампанеллы и *«возрождённым Эдемом для избранных творцов»*? Чем закончился эксперимент севильского общества *«Эль соль де ля либертад»*, обещавшего последователям *«абсолютную творческую свободу»*? Было ли это прикрытием для добычи золота или для раскопок более древнего поселения? Наконец, что сейчас находилось на месте Города Солнца? Нужно ли серьёзно относиться к словам дяди Гаспара, написавшего, что возрождённый Эдем может существовать до сих пор – скрытый от чужих взоров за непроглядной завесой дождевых лесов?

– Смотри по сторонам, – шёпотом скомандовал Артуро.

– Смотри, – кивнул Рауль.

Пусть думает, что Артуро не ослабляет контроль. Нужно следить за своим поведением. Рассеянность – первое проявление слабости.

– И будь готов со временем отделиться от остальных. – Артуро поправил сползавшие по влажному носу очки. – Не забывай, у нас свои интересы.

– Не забываю.

– Что бы ни происходило, мы должны добраться в Город Солнца первыми.

– Доберёмся.

Пешая экспедиция третий день шла просекой, которую, сменяясь, прорубали впереди идущие индейцы. Скоробогатов требовал следовать строго по тропе, указанной на спине Инти-Виракочи, – опасался пропустить дополнительный указатель, способный облегчить поиски. Тропу вырубали широкую, чтобы протиснулись восемь выючных мулов, прежде без дела томившихся на баркасе, а теперь взявших на себя основную ношу. Порой чаща становилась до того плотной, особенно в местах, где её сердцевину составляли коленчатые стволы бамбука, что экспедиция начинала продвигаться не быстрее полукилометра в час – под непрерывный стук мачете и окрики обезьян.

Разношёрстный отряд растянулся вереницей метров на сто пятьдесят, шагая строго в спину друг другу. Плетёный вееролистный полог над головой почти не пропускал дневной свет, и шагать даже днём приходилось в полумраке. Проводникам случалось включать фонарики, выверяя направление и указывая место новой прорубки. Впрочем, сумрак был не самым тяжёлым испытанием. В теснине не удавалось надыхаться. Грудь резало от гнилостных испарений, чересчур пахучих цветов, непрерывной влаги. Температура держалась невысокая, градусов двадцать семь, однако выступавший пот не испарялся, стекал крупными каплями, оставляя тело разгорячённым, как в летнюю жару.

Артуро хотел бы, подобно конкистадору Хименесу де Кесадо, отправиться в путь с тремястами испанцами, полутора тысячами индейцев, множеством рабов, заодно прихватить тысячу лошадей, шестьсот коров и восемьсот свиней. Они бы скорее прошли по следам Шустова, даже если бы те повели к берегам Ориноко. Впрочем, Артуро понимал, что у кучки из тридцати пяти людей и восьми мулов, снаряжённых Скоробогатовым, больше шансов выжить в джунглях – их можно прокормить там, где неминуемо погибнет, для начала переругавшись и перестреляв друг друга, отряд из сотен людей. Сам Аркадий Иванович при наборе экспедиции, разумеется, исходил из других соображений. Просто боялся привлечь излишнее внимание.

Скоробогатов позаботился нанять индейцев, не проживавших в Икитосе, отказался от предложения Артуро зафрахтовать парочку-другую одномоторных самолётов короткого взлёта, вроде тех же «Norseman», на которых успели полетать и Серхио, и дядя Гаспар. Самолёты прилетели бы в случае беды. Ну или подкинули бы по надобности провизию и фураж. Нет, никаких самолётов, никаких официальных документов. В путь отправились снаряжённые топографическими картами, парочкой навигаторов и двумя спутниковыми телефонами. Печальное зрелище.

В экспедицию попали лишь восемь человек из тех, кто числился за перуанскими фирмами Скоробогатова и уже участвовал в поисках группы Шустова – Дельгадо. Помимо самого Артуро и Рауля тут были и доктор Антонио Муньос, его помощник Мехия, проводник Перучо, два управлявших баркасами лодочника – Гонсало Диас и Хинес Эрнандес – и владевший несколькими индейскими наречиями переводчик Хоан Ортис. Артуро был знаком с каждым из них, но сдружился только с Муньосом, выпускником Университета святого Мартина де Порреса. Университет, где доктор теперь сам изредка читал лекции, основали доминиканцы. Артуро и Муньосу было что обсудить. Например, золотые рудники, некогда принадлежавшие Доминиканскому ордену, – в годы революции законсервированные и в дальнейшем утерянные, подобно десяткам иезуитских рудников в Боливии.

В экспедицию угодили пятеро пленников, хотя Артуро сомневался, можно ли таковыми назвать Никиту Покачалова и Зои, и четыре личных человека Скоробогатова, считая Сальникова из «Изиды» и мерзкого Шахбана, завидев которого, Артуро непроизвольно тянулся к его *подарку* – хромированной зажигалке «Зиппо». Кроме того, в экспедицию вошли сам Аркадий Иванович, его дочь Лиза и пятнадцать индейцев перуанской сельвы: семь агуаруна и восемь кандоши. Отдельно в экспедицию попал Хорхе, уроженец амазонской Кабальюкочи, в пути отвечавший за безопасность пленников. Для надсмотрщика он, по мнению Артуро, был мягковат. Удивительно, как Хорхе не сбежал после казни того бедолаги в нижнем лагере. Остался из страха за жизнь? Или в надежде получить обещанную плату? Здесь у всех были свои причины остаться...

После полудня лес переменился. Экспедиция чаще упиралась в циклопические колонны хлопковых деревьев. Не было и речи о том, чтобы прорубаться через контрфорсы их обнажённых корней – те возвышались плоскими стенами высотой в два-три метра у ствола и, постепенно снижаясь, уходили в сторону ещё на добрые семь метров. Приходилось петлять, огибая препятствия и с жадностью вгрызаясь в более доступные ограждения из древовидных папоротников и других, обвешанных испанским мхом растений.

Каждый покорно нёс свою ношу. Без экспедиционного груза остались клика Скоробогатова, женщины, не считая Сакеят из агуаруна, хромоногий Дима и захлёбывавшийся в собственном поту Покачалов. Дима злился. То и дело норовил прихватить общую сумку в довесок к личному рюкзаку.

Мулы были загружены сверх меры. Поверх попоны на них крепились деревянные треугольные распорки, по форме напоминавшие стропила, а к распоркам приторачивались матерчатые выюки, кожаные сумы, просмоленные деревянные ящики, скрутки брезента и другой защитной ткани. Экспедиция Скоробогатова несла много диковинного груза, который наверняка впечатлил бы человека, непривычного к путешествиям. Артуро и сам забавлялся, глядя, как вереница людей и мулов тащит десяток плетёных клеток с курами, туши подстреленных в пути оленя и дикого кабана. Но подлинный интерес у Артуро вызывали металлические ящики, прежде лежавшие на баркасе Скоробогатова, а в лесу перекочевывавшие на спину одного из мулов. Их всегда кто-нибудь караулил. Как правило, Шахбан или Сальников, чуть реже Баникантха, вечно жевавший свою мерзкую бетелевую жвачку, а в последние дни не брезговавший и кокой. Простых индейцев и даже метисов, вроде Перучо или Диаса, к металлическим ящикам не подпускали. Артуро не решался напрямую спросить о них у Егорова, уверился, что в них лежит нечто ценное. Возможно, связанное с Городом Солнца.

На одном из мулов поверх прочей поклажи возвышалось самое настоящее каминное кресло. Кресло Скоробогатова. Обитое натуральной кожей, с цельными боковинами-ушами и завитками громоздких валиков, с медными стёжками и резными ножками. Кресло, сейчас плотно закутанное в полиэтилен, каждый вечер устанавливали в палатке Аркадия Ивановича. В нём он выслушивал отчёты и отдавал распоряжения. Дядя Гаспар наверняка назвал бы сорокакилограммовое каминное кресло захватывающим умопомешательством, дурью или просто дикой блажью. Артуро улыбнулся, представив, как дядя произносит это с привычным андалузским акцентом и как, провожая кресло взглядом, закатывает глаза.

Не осталось сомнений, что дядя Гаспар обманул и своего племянника, и людей Скоробогатова – не было никакой лихорадки в девятом году, а его похороны оказались пустышкой. *«На досуге напиши, как тебе живётся послес смерти. Был на твоих похоронах в Малаге. Искренно и со всей скорбью тебя оплакал, а теперь готов посмертно поздравить тебя с приобщением к плеяде мёртвых мастеров»*. Артуро неделю назад выпросил у Егорова переписку Шустова с Дельгадо. Подборка конвертов несколько лет пролежала в стене на Антонио Матея и открылась лишь Максиму и его друзьям. Наградой Шустову-младшему стала Пасть каймана. Печальная

история. Он так кричал, что эхо его голоса порой докатывалось до нижнего лагеря. Впрочем, это могли быть отзвуки ночных кошмаров.

Углубившись в воспоминания, Артуро чуть не налетел на Орошпу, остановился в полшаге от его рюкзака. Где-то впереди случилась заминка. Возможно, индейцы в очередной раз наткнулись на колючий бамбук. Кандоши выждали несколько минут и, переговорив, опустили на землю свою громоздкую ношу – четыре лодки, для переноса которых Егоров отрядил шесть носильщиков: по двое на каждую моторную лодку и ещё двое на вложенные одна в другую плоскодонки. Индейцы не озаботились задержкой. Не зная, продлится она несколько минут или дольше, растянулись в порожних лодках. По большей части сразу уснули. Почему бы и нет. Артуро и сам хотел присесть, но впереди раздался крик.

Кажется, кричала Аня.

Кандоши, дремавшие в лодках, оживились. С любопытством приподнялись над бортиками. Сзади слышались перешёптывания. Глухая стена джунглей слева и справа отзывалась заполошной переключкой птиц, а где-то высоко в пологе ветвей запричитали невидимые отсюда обезьяны.

Крик не повторялся. Его сменили громкие голоса. Говорили по-русски и по-английски. Артуро не удавалось разобрать ни слова. Что бы там ни случилось, это наверняка было связано с общей задержкой.

Артуро сбросил рюкзак на руки Раулю и заторопился вперёд. Протолкнуться через запружённую просеку оказалось непросто. Артуро, не обращая внимания на лежавших кандоши, прошёлся напрямик через лодки, несколько раз наступив кому-то на руку или ногу. Затем спрыгнул на землю, стал боком обходить измотанных духотой и потому неподвижных мулов. В лицо лезли разорённые соцветия бегоний, нитевидные корни ползучих деревьев и липкие обрубки стрелчатых листьев.

Протолкавшись, Артуро наконец увидел, что Аня сидит на свежесрубленной неоднородной гати, покрывавшей земляную гниль. За спиной Ани о чём-то спорили Екатерина Васильевна и Сальников. Неподалёку стоял Покачалов. Он лениво обтирался платком и с явным неудовольствием следил за происходящим. Возле Ани сидела Зои, бережно обнимавшая подругу за плечи, а возле них, частично опрокинутый в заросли, лежал индеец. Кажется, Шутка из кандоши.

Дима говорил, что имя Шутки по-русски звучит забавно. Но сейчас Ане было не до смеха. Индеец умирал. Поверхностное дыхание выдавало в нём последние отголоски жизни. Судя по разбухшей, покрытой бледно-синими разводами шее, Шутку укусила змея. Должно быть, обозлилась после громких ударов мачете и ждала в ветвях. А потом бросилась на удобно подставившегося человека. На месте Шутки мог оказаться любой из экспедиционной вереницы.

Самой змеи поблизости не было, значит, прикончить её не успели. Укусила и тут же скрылась. Или до сих пор ждала где-нибудь поблизости, следя за поднятой из-за её нападения суетой. Артуро боязливо осмотрел ближайшие ветви.

Укус в шею не оставил индейцу шансов. Яд с первых секунд парализовал его тело. Никто не заметил, какой именно была напавшая на Шутку змея, что осложняло подбор сыворотки, да и Скоробогатов не стал бы понапрасну расходовать запасы лекарств. О себе, о своей дочери Лизе он позаботится, а потерю одного из носильщиков не ощутит. Одним индейцем меньше, одним больше. Не беда.

– Он ещё жив! – Аня заметила Артуро и обратилась к нему по-испански. – Сделай что-нибудь!

Артуро в ответ качнул головой. Другие кандоши растащили поклажу Шутки, распределили его груз. Кто-то снял с него сапоги и мачете. Они Шутке больше не пригодятся. Каких-либо чувств не выказали ни Макавачи, руководивший всеми кандоши, ни стоявший неподалёку Тсириμπο, плывший с ним в одной лодке и вроде считавшийся его другом.

Не найдя поддержки, Аня растерянно смотрела на свои руки. Сальников прорвался к ней мимо Екатерины Васильевны и, если бы не его дочь Зои, должно быть, силком поставил бы Аню на ноги и тычками заставил бы идти дальше. Боялся, что его накажут за внезапную остановку. Судя по глубоким шрамам на лице и частично обожжённой шее, Сальников знал: наказания у Скоробогатова бывают суровыми.

Аня смирилась. Поднялась на ноги и пошла вслед за остальными. Экспедиционная вереница возобновила ход. Когда Артуро в свою очередь перешагивал через тело Шутки, тот окончательно стих. О нём позаботятся джунгли.

За два часа до заката разбили лагерь. Привычное вечернее оживление, обыденные заботы о пресной воде, шелест растягиваемых гамаков и ароматы варящейся фасоли. Никто не вспоминал погибшего индейца. Среди кандоши, как и всегда, звучал смех. В сельве иное отношение к смерти.

Ночь, несмотря на ливень, прошла спокойно. После завтрака, когда экспедиция углубилась на несколько километров по тропе, деревья расступились, открыв несколько заболоченных участков и русло новоявленной речки; идти стало легче. Вскоре разведчики отыскиали очередной ориентир – им вновь оказался обработанный человеком мелкозернистый конгломерат. Как и три предыдущих, он был украшен различными узорами. На радость всем Егоров распорядился вновь разбить лагерь, чтобы как следует осмотреть местность.

В пятистах метрах от конгломерата агуаруна обнаружили самострел – ловушку из натянутого лука со спусковой растяжкой. Если сюда и забрела группа вольных охотников, они, напуганные шумом экспедиции, давно укрылись в чащобе и не подумают сунуться к вооружённым людям, однако Артуро, как и Титуса, возглавлявшего агуаруна, смутило само расположение лука.

Он был закреплён на тропе, не проторённой, но явно намеченной каменным треугольником-указателем. Ловушку установили недавно – по словам Титуса, ещё ночью, за несколько часов до рассвета. Тетива и растяжка, сплетённые из лубяных волокон, – свежие. Остов лука и древко стрелы из пальмового дерева – свежие.

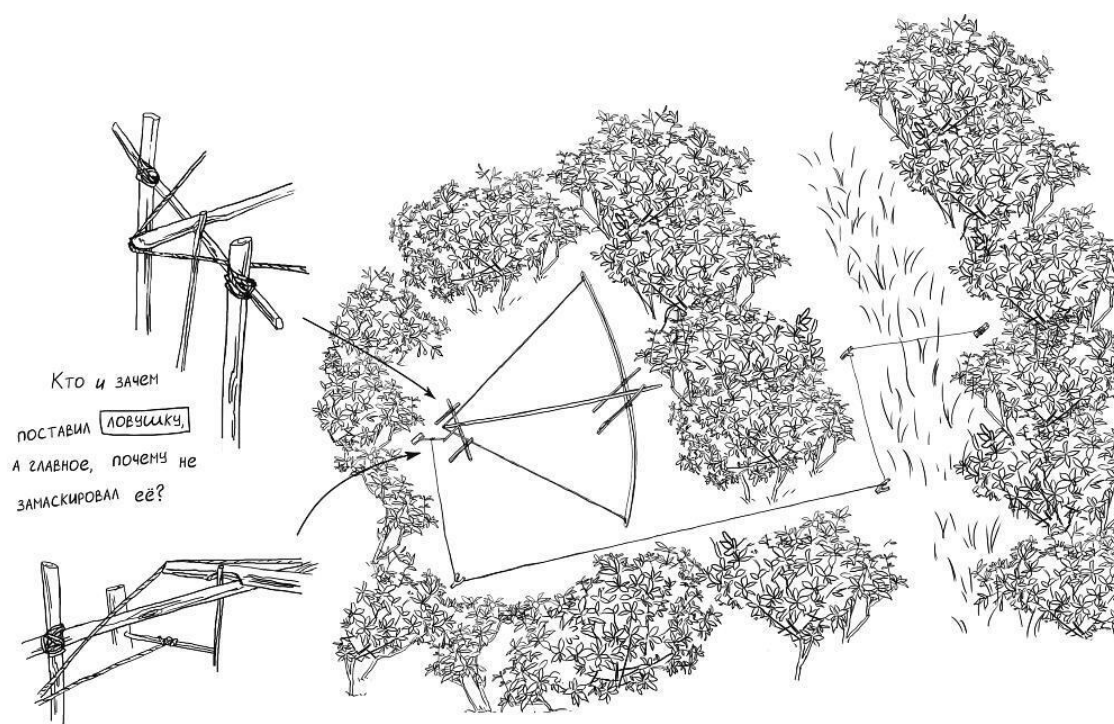
– От животного так не прячут. – Титус неловко, сбиваясь на гортанные звуки, выговаривал испанские слова. – Так прячут от человека.

Самострел был направлен под таким углом, чтобы ударить метра на полтора в высоту; скорее годился для охоты на человека, чем на мелкого зверя. Люди Скоробогатова не придали этому значения. Их спокойствие отчасти объяснялось тем, что самострел походил на тренировочную игрушку. Тетива натянута слабо, стрела лежит без наконечника и даже не заострена. Наткнись на растяжку, и едва почувствуешь тупой удар в бок. Вся конструкция с её колышками и лубяными нитями держалась на виду, ничем не прикрытая и потому заметная с нескольких шагов. Более того, здесь будто нарочно вытоптали траву, чтобы случайный путник заблаговременно подметил насторожённую ловушку.

– Такая скорее напугает, чем поранит, – кивнул Рауль.

Егоров распорядился не трогать самострел. Размыслив, отправил Титуса и двух его охотников, Туяса и Интапа, вперёд – разведать, не найдётся ли там следов, оставленных чужаками.

К самострелу подходили и другие участники экспедиции. Взглянуть на него забрели даже Зои с Аней. Дочь Сальникова, увидев растянутый лук, радостно захлопала в ладоши и принялась расспрашивать о нём Артуро. Аня, хмурая после вчерашней гибели индейца-кандоши, развлекала себя, делая наброски лагерной жизни. Зарисовала она и самострел, после чего увела подругу назад, в лагерь. Артуро дольше всех стоял возле лука. Что бы там ни говорили другие, здесь, в тропической глуши, эта находка была скверным знаком.

Глава третья. Бивак

Ноябрь. Хватило мозгов сунуться сюда в сезон дождей. И народу приташил – на целое кладбище наберётся. И кресло! Видал его кресло? Марден не отказался бы погреть в нём свой зад. Интересно, камин он тоже прихватил? Было бы неплохо. А что? Затопить камелёк, подпечь подошвы банкеткой и греть себе жилы, пока другие надрываются. И да, пусть... – да хоть бы девчонка! – пусть массирует плечи. Зря, что ли, тащилась? Полудурки... Шустов пошёл к апрелю, к сухому сезону. А этим чего не сиделось?

Зачастили ливни. Даже кайманы потянулись от больших рек к озёрам и протокам. Теперь и километра не пройдёшь, чтобы не наткнуться на раззявленную пасть кольчужной скотины. Тупые, неповоротливые, но моргни не вовремя, и сразу сцапают. Наверное, уже неделя, как из сельвы сбежали последние сборщики каучука, рыбаки всякие и любители черепаших яиц. Вот и Мардену сидеть бы в норе и носу не показывать. Так нет, киснет тут. Спрятался на пригорке за кустами узколистой маранты и поглядывает за экспедицией Скоробогатова. Медленно идут, слабо. Им бы индейцев нагрузить парочкой диванов, торшеров и чем-нибудь таким – что у них там бывает с рюшами или подзорами? – вот тогда бы совсем весело было. Как ещё Скоробогатов пешком идёт? Мог бы в паланкине ехать для полноты картины.

Поганый ноябрь. И место поганое. Ни тебе попугаев нормальных, ни гоацина, ни какой-нибудь заваливающей колибри. Единственная колибри здесь – на башке у полоумной девчонки, у той, что с гигантскими дырками в ушах. Тут и ловить некого. Разве крапивника. Только кому он нужен? Гринго крапивника не продать. У гринго в его лесах крапивников хватает. А ведь поёт неплохо, переливно, правда, торопится слишком. Сейчас тоже слышать. Дождь ему по боку.

Здесь с птицами туго, но хлопни в ладоши, так с дерева пооблетает десяток-другой. Мелочь всякая, достойных перьев и не заметишь. Переметнутся на другое дерево, осядут на него, и на дереве сразу будто листьев поприбавится. Тут у всего свой камуфляж. На ходу глянешь: нет никого. А приглядишься – тут и ленивец, и удав, и наглый капуцин втихаря лушит орехи. Как в детских картинках, где нужно искать всякую дрянь в куче других мелочей. Если не знаешь, куда смотреть и чего ждать, никогда и не заметишь. Все прячутся. Индейца, которого змея в шею укусила, хорошенько пообглодали. И хищники, и падальщики. Скоробогатов устроил пир для местной погани. На одного индейца меньше.

Вообще, Скоробогатов – молодец. Собрал себе весёлое сопровождение. Ладно кандоши, они мирные. Все как один стрижены под пажей, в джинсах и футболках. Дикого в них мало. В экспедицию их набрали носильщиками. А вот агуаруна – те позадиристее будут. Стрижены каждый на свой лад, выглядят куда более дико. Одежда льняная, может, домотканая. Низки какие-то, амулеты и обереги. Не хватает игл дикобраза в ноздрах. Если у кандоши обычные рюкзаки, то агуаруна закидывают на спину вощёные сумки, а ремень пускают по лбу. Среди них в экспедиции только охотники да следопыты. С такими лучше не связываться. Не хочется, чтобы психованный агуаруна снял с твоей отрезанной головы кожу, высушил её до размера с кулак и носил у себя на поясе – хвастал перед соплеменниками. Раньше агуаруна так и поступали. Марден знал одного из них. Тот агуаруна называл себя «вождём семи рек». Или шести... Звучало гордо, а на деле это он мог за раз семь бутылок масаты выхлебать. Или шесть бутылок... В общем, с виду молчаливый, тихий, а как напьётся, идёт вразнос – успевай нырнуть под стол.

Сзади слышался шорох. Нет, в лесу *всё* шелестело, но Марден сразу уловил чужой звук, выбивавшийся из общего дождевого гомона. Плохо. Лучо не научился ходить по-настоящему тихо. Сам Марден в десять лет ходил не хуже ягуара. Даже сейчас, обрюзгнув, насадив спину и дважды повредив левую ногу, мог бы, незамеченный, нависнуть над Скоробогатовым и как

следует харкнуть ему в тарелку с маринованными анчоусами или что он там ест на ужин. А Лучо, поганец, в очередной раз прокололся.

– Я тебя слышал, – буркнул Марден.

Лучо ответил не сразу. Застыл шагах в десяти за спиной Мардена, будто в надежде, что тот бросил свои слова наугад. Чуть погодя наконец промолвил:

– Прости.

– *Подотришь ты извинениями.* Гринго тебя не заметят. А с нашими коричневыми друзьями будь осторожен.

– Понял.

– *Понял он...* Я велел тебе сидеть на биваке. И не оставлять его там одного.

– Он сказал, что справится.

Лучо неспешно приближался. Молодец, теперь шёл правильно – делал плоские шаги: опускал и поднимал стопу целиком, равномерно распределял вес между мыском и пяткой. Почему сразу нельзя было так идти? Ты походи пару лет медленно, потом и быстро ходить научишься.

– Я велел не разговаривать с ним без меня.

– Я и не разговаривал. – Лучо лёг рядом. Поглубже натянул капюшон дождевика. – Он сам сказал, что справится.

– Ясно. *Упрямый, как старый мул на переправе.* Что там с ловушкой?

– Как ты понял?

– А ты сам прикинь.

Прошло минут пять, прежде чем Лучо ответил:

– Ты знал, что я сразу уйду с бивака. И если бы я пошёл за тобой...

– ...то был бы здесь ещё два часа назад.

– А два часа – как раз путь до предыдущего лагеря экспедиции...

– ...и обратно. Ну и чего спрашиваешь, если сам можешь сообразить?

– Прости.

– Толку от тебя как от дохлой кошки.

– Наверное, побольше.

– Наверное, – хохотнул Марден. – Так что там с ловушкой?

– Самострел стоит. Они его не тронули.

– Самострел... А следы?

– Если и были, там всё затоптали.

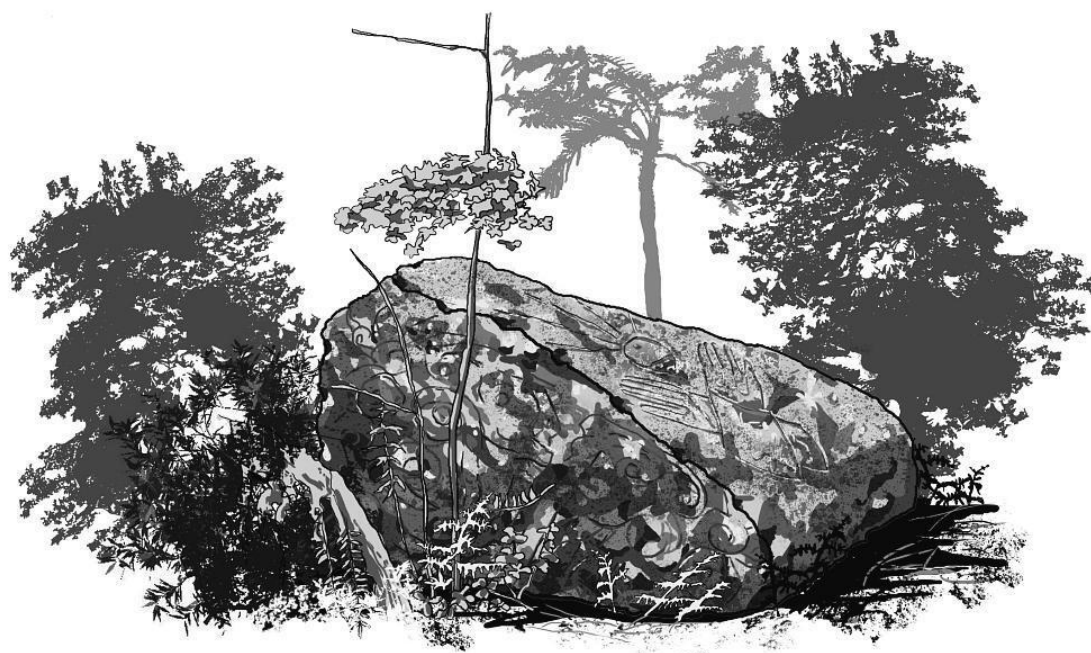
– *Чёрт бы их побрал.* Ясно. А камень?

– Стоит.

Мардену хорошо запомнился тот валун. Шустов тоже шёл по меткам. Они с Дельгадо и Исабель с такой любовью прощупывали каждую из них, что подмывало оставить их в интимном уединении. Чёртовы психи. Но Шустов действовал умнее. Не пёр локомотивом через гущину – окольно выходил к камням, а потом уже один или вместе с Марденом налегке быстро осматривал непройденный и оставшийся позади участок тропы.

Шустов вообще подорванный был. За всё время, что они шли через джунгли, ни разу толком не присел. А Гаспар ленился, причитал по любому поводу. И жена у него была под стать. Как-то разревелась – вечно у неё были заскоки – из-за крестика, который забыла на предыдущей стоянке, так Шустов терпел-терпел её нытьё, а потом молча встал и ушёл. Вот ведь не лень ему было, пока остальные отдыхали, переться назад на десяток километров за крестиком! Но вообще он оказался прав. Исабель тогда успокоилась и дальше шла спокойно – через силу, натужно, но без скулежа.

Четвёртый по счёту валун Мардену особенно не понравился. Шустов и Дельгадо долго с ним возились. Нашли на нём высеченный узор: *яблоко с лучами солнца над скрещёнными женскими руками*. С какого перепуга они решили, что руки именно женские, Марден не понял, ну да ладно. Женские так женские. Из разговора – не то чтобы Марден подслушивал, но куда тут денешься, когда они над ухом трещат, – так вот из разговора Серхио и Гаспара получилось, что это вроде бы как символ какого-то там севильского общества, подбиравшего художников для жизни в *возрождённом Эдеме*. Чёртовы сектанты. Марден знал одного сектанта – тот бегал с «особой Библией» по Амазонке, причём один, без проводников. А потом весь больной, в оспинах, отсиживался в Икитосе. По вечерам заглядывал в бар на Антонио Раймонди. Нет, не пил, а только сидел себе в углу и с тоской смотрел на пьющих. Непонятно, то ли завидовал им, то ли сострадал. Одно другого не лучше. Однажды зачитал Мардену проповедь. Любопытную такую, жаркую. Шустов с Дельгадо над своим валуном проповедовали не хуже.

Гаспар повторял, что узор отсылает – вечно его там что-то куда-то отсылало – к библейским сюжетам. Яблоко, по его словам, в действительности было инжиром. Он называл его плодом познания, а женские руки – протянутыми к нему руками Евы, осмелившейся нарушить запрет Эдемского сада.

– Неужели не очевидно, что символ выбрали не случайно? Он должен был соблазнять новичков познаниями, прежде недоступными простым смертным! Он означал великое дерзновение!

Шустов в ответ обвинял Дельгадо в близорукости, говорил, что тот упускает нюансы.

– И какие же это нюансы?

– Да, какие? – поддакнул тогда Марден.

Или не поддакнул. Чёрт его знает. Давно это было.

– Каждая из составляющих символа двойственна. Яблоко отсылает и к Ветхому Завету с его змием, и к мифологии кечуа. Бог Конирая Виракоча, вожделевший прекрасную Кауиллаку, спустился на землю в образе птицы и сел на ветви сладкой лукумы, под которыми Кауиллака ткала полотно для будущего мужа. Виракоча придал капле своего семени вид спелого плода лукумы и бросил его на землю. Кауиллака, соблазнившись сочной мякотью, съела паданец и

так, оставаясь непорочной, понесла от бога. Согласись, очевидная перекличка с библейской темой непорочного зачатия. Так что яблоко, а точнее обобщённый плод, которым могла быть и фи́га, и лукума, для нашего возрождённого Эдема выступало символом одновременно греха и непорочности.

«*Оставаясь непорочной, понесла от бога*». Шустов так и сказал. Слово в слово. Марден и сам рассказал бы им про Конираю Виракочу, даром, что ли, знал всяких кечуа, но вот о прибабах со съеденным семенем слышал впервые. Из разговора Шустова с Дельгадо эта деталь ему запомнилась больше всего. Он с тех пор раз пять пересказал её знакомым женщинам. Не то чтобы это помогало, но... было весело, да, смотреть на их реакцию. А Серхио между тем продолжал:

– Что же до скрещённых женских рук, тут не только христианская покорность. Ведь руки изображены под плодом – можно сказать, тянущимися к нему. Значит, их можно трактовать как устремление Евы вкусить познания, что само по себе выявляет двойственность символа. Добавь сюда прямую отсылку к Котошскому храму – одному из древнейших американских святилищ, украшенному барельефами именно таких, скрещённых, женских рук. Это один из ключевых символов древних панандских верований, утверждавших, помимо прочего, земную доступность божественных знаний.

Двойственность, везде двойственность! – не унимался Шустов. – Вспомни перевёрнутые лица на стеле Раймонди. Вспомни обелиск Тельо с его единством мужского и женского начала в образе разъярённых кайманов. Вспомни, наконец, Двери Сокола в Чавин-де-Уантаре и стоящие на входе в храм крылатые фигуры – мужскую и женскую. И скажи мне, что символ общества так примитивен, каким его сделали бы обыкновенные мошенники. Нет, здесь потрудились те, кто верил в свои брошюры, верил тому, что в них провозглашалось.

– Успокойся. – Гаспар сдался. – Если не заметил, я давно отказался от своей гипотезы.

– Но вспоминаешь её.

– Нет, не вспоминаю.

– И правильно делаешь. Судя по этому символу, по его многогранности, свобода верований и равенство культур были не только заявлены на бумаге, но и претворены в жизнь. Вспомни хотя бы храм-мечеть на полотне Одинцова.

– Если его кисти вообще можно верить.

Шустов вспылал. Всё понеслось по новой – с потоком названий, дат, имён, – и Мардену сделалось кисло. Нет, с поганым четвёртым валуном у него были связаны плохие воспоминания. И дело тут даже не в болтовне Шустова с Дельгадо, а в начавшейся следом чертовщине. Марден уже тогда решил, что со временем покинет экспедицию Шустова. Любопытно, конечно, посмотреть, куда ведут старинные указатели и допотопная карта, которую Серхио показывал Мардену лишь частично, но рисковать жизнью – увольте. В конце концов, у Шустова оставался ещё один, куда более покладистый проводник и сразу два носильщика-индейца. Их Марден с тех пор не видел. Как не видел и Дельгадо, и его дурную жену с её распрекрасным крестиком. А на следующий день после четвёртого валуна с женскими руками к ним прибилась самая настоящая дикая туземка.

Марден её не забыл. Старая ведьма. Вечером вышла к ним из джунглей и как ни в чём не бывало села рядышком у костра – с такой миной, словно шла с ними с первого дня, а тут лишь ненадолго отходила в кусты. Поначалу было смешно. Мало ли индейцев в дождевых лесах? Шустов на её появление не отреагировал. Потом предложил ей разделить с ним ужин. Старуха отказалась. В последующие дни она питалась исключительно сырым мясом. И тут Мардену стало не до смеха. Чокнутая. Одному дьяволу известно, где и как она добывала себе мясо и что держала на уме. Исабель и Гаспар перепугались. Умоляли отвадить ведьму, а Шустов отвечал им, что безопаснее держать туземку рядом.

– Она в любом случае будет знать о нас всё. А так есть шанс что-то узнать о ней. И о тех, кто её послал.

Вот это вот «тех, кто её послал» Мардену не понравилось. Он готов был поспорить на месячное жалование, да что там – на все обещанные ему деньги, – что Шустов и сам боялся старуху. Немудрено. Такую в городе-то увидишь, станет не по себе, а тут – глухие джунгли. Серхио прислушивался к её бормотанию, словно она была оракулом, готовым напророчить ему инкское золото и долгую жизнь на Копакабане.

Марден и сейчас, три года спустя, отказался даже на сотню метров приближаться к четвёртому валуну. И Лучо не стоило туда соваться. Но разве до мальчишки достучишься? Мозги-то цыплячи.

– Вот. – Лучо протянул Мардену сложенный в несколько раз и перепачканный в саже листок.

– Опять?! *Больная баба. Неймётся ей.*

Жена Шустова, угодившая в лагерь на правах пленника, то есть вообще без прав, в каждом лагере оставляла чёртовы записки. Понимать бы ещё, что в них написано. Марден знал несколько слов по-русски, но едва ли это были слова, которые могла позволить себе такая женщина.

– Ладно, отнесём на бивак. *Я тебе что, почтальоном нанялся?* Я пока пойду, а ты накопай корней. – Марден, поднимаясь, указал Лучо на кусты маранты. – Сгодятся на ужин.

Лучо поручению не обрадовался, но за дело взялся без промедления. Экспедиционная группа Скоробогатова уже была далеко: мулы утёрпали, лодки уплыли, куры улетели. Опасаться нечего.

– Через час выдвигаемся. Не отставай.

– Если что, нагоню.

– Не отставай! *Нагонит он...*

Возвращаясь к биваку, Марден в очередной раз подумал, что надо было бежать за Анды в тот же день, когда сын Шустова заявился к нему в Белен. Бежать без оглядки. Но Марден замешкался. И теперь расплачивался.

– Тупой индюк! – выругался Марден, различив впереди тёплую рябь дыма. – Сказано ведь, днём – никаких костров!

Дым вился тонкой нитью и был настолько полым, что в дождь вовсе становился прозрачным, да и ближайший из людей Скоробогатова шёл за километр отсюда. Но, если знать, куда смотреть и что искать, опытный глаз сразу вычислит слежку. Не хватало нарваться на агуарунское гостеприимство.

И Лучо, мелкий поганец! Ведь сказано было не уходить с бивака, не оставлять там этого индюка одного. Чёрт его знает, что он выкинет в следующий раз.

– Нет, если хочет увидеть свою голову отрубленной и высушенной, пожалуйста, милости просим, – ворчал Марден, пробираясь через напоённые водой логи, – но как-нибудь без меня.

Глава четвёртая. Старая ведьма

Дима, перебивая ливень, повторил:

– *«Цивилизация чавин возникла на пустом месте. До них тут жили дикари. Прятались по пещерам, размахивали каменными топорами, может, выли на луну. А потом – бац! Появились чавин».*

– Дим, я всё перевела. Слово в слово.

Аня лежала в гамаке Покачалова. Сам Никита вместе с Раулем отлучился в палатку Ско-робогатова. Пропахшая потом ткань сестру не смущала. Вторую неделю, не переставая ни на час, шли дожди, и сил ублажать собственную брезгливость ни у кого не было. Диме порой казалось, что он начнёт ходить под себя, только бы не вылезать из-под тента.

– Ну, Вальтер Хосе, конечно, молодец, – наконец отозвался Артуро. – Любит своё дело. Но живёт в мире Дамбартон-Оукской конференции шестьдесят восьмого года и взрослеть явно не хочет.

– Что это значит?

– Значит, что он безнадежно отстал. Не верит результатам новых радиоуглеродных анали-зов. Закопался в старых подшивках «Американ Антрополоджист» – из тех лет, где так любили ссылаться на Мензеля, Роу, Досона и прочую братию из Беркли.

Дима поморщился. Понял далеко не всё из переведённого Аней, но общую идею уловил: Вальтер Хосе, к которому они с Максимом приезжали обсудить Инти-Виракочу, не лучшим образом ответил на их вопрос о «величайшей тайне цивилизации чавин».

– До чавинцев в Южной Америке были и другие цивилизации. – Артуро елозил между зубами зубной нитью. Разговорившись, забывал о ней. Потом вновь принимался за чистку. Нить покраснела от крови, но племянника Дельгадо это не останавливало.

Дима не планировал приставать к Артуро с расспросами, но часом ранее увидел, как тот возвращается из палатки Скоробогатова без обычного сопровождения, и заставил себя натя-нуть влажные ботинки. Аня на его призыв откликнулась не сразу.

– Вообще-то Артуро говорит по-английски. Ты бы справился.

Лагерь после обеда выглядел мёртвым. Гамаки провисли под тяжестью тел, были непо-движны. Оба костра потухли. Куры и мулы молча ютились в наспех сооружённом загоне из лодок и свежесрубленных деревьев. Из палаток не доносилось ни слова – даже из той, где собрались люди Скоробогатова. Впрочем, дождь заглушал любые звуки.

Час назад Скоробогатов объявил днёвку. Рассчитывал, что охотники агуаруна осмотрят местность. Разумная предосторожность после «подарочка», сегодня утром обнаруженного в лагере. «Подарочком» его назвала Зои – правда, испугалась не меньше остальных. Агуаруна Катип, сын Титуса, в последнее время увивавшийся вокруг Ани, нашёл его первым – свежее чучело ленивца, вымазанное кровью, с грязью вместо внутренностей и со вставленными в глаз-ницы комочками перьев. Кандоши такая инсталляция напугала до суеверного шёпота. Мака-вачи сказал, что это угроза, адресованная каждому из членов экспедиции. Впрочем, самих же кандоши Скоробогатов и заподозрил в первую очередь. Решил, что они нагоняли страх на охотников агуаруна, вечно подтрунивавших над ними из-за унижительной роли носильщиков и лагерной прислуги. Допрос ни к чему не привёл. Индейцы отрицали свою причастность. По всему выходило, что кто-то чужой ночью проник в центр оборудованной стоянки и смог, незамеченный, вывесить свой трофей на стволе дуплистого тамаринда. Чучело в итоге сожгли. Егоров раздал прежде не вооружённым кандоши помповые ружья, а охотников и следопытов агуаруна отправил разведать округу.

Дима радовался отдыху. В последние дни боль становилась невыносимой. Ноги, покры-тые красными пятнами, зудели. Кожа в уголках между пальцами слоилась, покрывалась соча-

щимися язвочками. Неудивительно. Дима не помнил, когда в последний раз надевал сухие ботинки. По четыре раза в день менял носки, обрабатывал ступни детской присыпкой, которой с ним поделился Покачалов – к запасам талька он никого не подпускал, – но облегчения это не приносило. От присыпки ранки начинало жечь. Первое время Дима стеснялся изъязвлённых стоп, ботинки снимал в темноте, прятал в мешок и огрызался, если Аня предлагала выставить их сушиться к костру и намазать гуталином. Теперь стеснение, как и брезгливость, ушло. Дима не боялся свесить с гамака голые ноги, даже если рядом были Екатерина Васильевна или Зои. У всех на виду вставлял между пальцами смазанную вазелином вату. Вот и сейчас, забравшись в гамак Рауля, первым делом взялся за тюбик вазелина.

– Нет, ты пойми правильно, – после долгой паузы заговорил Артуро, – дикари тоже встречались. Как там сказал Вальтер? *Прятались по пещерам и выли на луну*? Было и такое. С доинкскими цивилизациями сложно, они ведь ни архивов, ни хроник не вели. «Вряд ли у них было больше признаков разума и понимания, чем у скотов, на которых они были очень похожи своими дикими обычаями». Забавно, да? Привет от отца Бернабе Кобо. Да и сами инки скрывали свои корни – говорили, что до них в Тауантинсуйю царили варварство и беззаконие.

– Забавно, – согласился Дима. – Тем более что испанцы поступали так же.

– Это как?

– Говорили, что «во всей огромной империи Новой Испании нет ни одного памятника или руин здания древнее, чем колониальные».

Племянник Дельгадо на Димин выпад не ответил. В дождевом лесу было не до споров. Прозелитический напор Артуро не возвращался даже в те мгновения, когда Дима вспоминал отрывки бесед с Софией из Археологического музея Трухильо. София... Дима часто видел её в снах. Не мог забыть её очаровательную незащищённость и то, как мило она говорила своё *«не торопитесь с выводами»*. Порой представлял, что София рядом, и так одолевал накатывавшее отчаяние – не хотел разочаровывать девушку своей слабостью.

– Уака-де-лос-Сакрифисиос, если верить радиоуглеродному анализу, был построен почти за три тысячи лет до нашей эры, – продолжал Артуро. – Каменные платформы в Асперо, по сути, ровесники пирамид Старого царства в Египте. Салинас-де-Чао, Бандуррия, Рио-Секо – эти центры процветали задолго до появления чавин. И речь не только о прибрежных царствах. Примерно тогда же были возведены горные храмы Уарикото, Ла-Галгады. Не знаю, как там с дикарями, воющими на луну, но, смешно сказать, в Салинас-де-Чао местные жители возвели восьмисотметровую стену, чтобы оградить участок берега, где они добывали соль. Застолбили местечко. И неплохо себе жили, потому что к ним за солью приезжали от самых Анд. Или вот хороший пример – Эль-Параисо, построенный из ста тысяч тонн каменных блоков...

– Ничего не понимаю, – Дима перебил Артуро. – О какой тогда *величайшей тайне чавин* писал ваш дядя? Что в их возвышении особенного? Получается, в Перу и без них как-то справлялись.

– Ну... – Артуро отбросил зубную нить. – Не всё так просто...

Разговор прервался. Диму, Аню и Артуро окутала сонливость. Голоса стихли, и тишину до отказа наполнил шум дождя.

Первые дни ливень изводил гомоном. Дима набивал уши ватой, прикрывал их ладонями, но продолжал различать утомительные звуки непогоды. Лишь к концу недели смирился с дождём – тот превратился в естественный фон, сопровождавший разговоры, размышления, сны. Дима вовсе перестал его слышать, как обычно не слышал своё дыхание или биение собственного сердца. Но случались минуты, когда грохот ливня прорывал дамбу отчуждения и тогда оглушал – под его напором отступали любые чувства. Дима мог замереть на ходу, застыть с поднесённой ко рту ложкой и держать её, забыв о времени и не слыша голоса сидящих рядом метисов. Ни единой мысли, только шелест дождя, начисто вымывающий голову и оставляющий

после себя тёплую пустоту. Подобные приступы случались с каждым по отдельности или сразу с несколькими людьми, если застигали их вместе – за беседой или общим делом.

Влага проникала всюду, не щадила даже вещи, казалось бы, надёжно закутанные в целлофан. Блокнот «молескин», подаренный Егоровым, – Дима записывал в него материалы для будущей книги, – потяжелел, разбух и отчего-то стал пахнуть рыбой. Дима поначалу думал, что обоняние, измученное тысячами противоречивых запахов, обманывает его, а потом Зои подтвердила: от «молескина» действительно несло рыбой. Обложки других блокнотов расслаивались, покрывались грибком. Сырость была такой, что начала гнить кожаная сбруя на мулах. Циновка, которой Аня, Зои и Екатерина Васильевна выстилали пол в своей палатке, покорибилась, её пришлось выбросить. Сахар слипался, а под его кусками собирались желтоватые лужицы сиропа. Соль в солонках отсыревала, приходилось выковыривать её ножом. Всё это утомляло.

На стоянках индейцы первым делом привязывали лодки. Боялись, что те уплывут по земле. Ночью вода прибывала, и поутру, свесив с гамака ноги, можно было обнаружить под собой новоявленную пойму. Проводники, Куньяч из агуаруна и Перучо из метисов, выбирали под ночлег место повыше и посуше, но порой и выбирать-то было не из чего.

Позавчера так и разбили лагерь – по колено в воде. Мулов индейцы на ночь подняли на нижние ветки моры, привязали к её сморщенному стволу. Животные не выказали недовольства и, оставленные, принялись беззаботно рвать ближайšie листья. На деревья отправилась и наиболее ценная поклажа: каминное кресло Скоробогатова, ружья, провиант и металлические ящики, о содержимом которых, кажется, не знал никто, кроме близких к Аркадию Ивановичу людей. Той ночью при свете фонаря, горевшего в палатке Скоробогатова, Дима увидел, как под его гамаком проплыло бревно. То есть ему показалось, что это бревно. Когда плавные движения обозначили у бревна мощный хвост, Дима понял, что видит каймана. Не испугался. Для страха не осталось сил. Кайман задержался под соседним тентом, будто искал укрытия от дождя, затем скользнул дальше – по направлению к деревьям с мулами. Гамаки, пусть подвешенные на два метра от земли, прогнулись и оказались близко к его готовой раскрыться пасти. Нужно было кричать, бить тревогу, но Дима молчал. Знал, что Аня, Зои и мама Максима в безопасности – для палаток индейцы соорудили из бамбука высокие настилы, к ним же пришвартовались лодки. О других членах экспедиции Дима не переживал. Ненавидел себя за это. Ненавидел Скоробогатова за то, что он сделал его таким. Но молчал. К тому же решил, что его могут обсмеять. Скажут, что запаниковал на пустом месте – мало ли какие гады тут водятся, назовут слабаком. Хотя нет, не назовут. Зачем тратить силы на слова? Но будут смотреть так, что и слов не понадобится. Дима потерял каймана из вида. Поначалу прислушивался к всплескам, а потом уснул.

– Вчера у Екатерины Васильевны был день рождения, – невпопад промолвила Аня.

Напуганное человеческим голосом, опустошение отступило. Шум дождя вновь отстранился за границы тента. Артуро и Дима одновременно заворочались в гамаках. Мгновением позже племянник Дельгадо, будто их с Димой разговор о чавин не прерывался, произнёс:

– Первые переселенцы пришли в Америку из Северо-Восточной Азии тридцать тысяч лет назад. Охотники, собиратели и другие дикари верхнего палеолита.

– Своих людей тут не было? – поинтересовался Дима в попытке прогнать сонливость.

– *Своих?* – хохотнул Артуро.

– Ну, хомо сапиенс или...

– Нет. Тут никогда не было приматов. Да и хомо сапиенс появился всего-то за семьдесят тысяч лет до того переселения.

– Появился и отправился путешествовать?

– У нас это в крови. И те сибирские охотники перешли по сухопутной Берингии, постепенно устремились на американский юг. Одна группа за другой – вслед за стадами мамонтов и

шерстистых носорогов. Переселение шло урывками многие тысячи лет, пока не закончилось Висконсинское оледенение. Берингия благополучно ушла под воду, и переселенцы оказались отрезаны от Старого Света. Двери захлопнулись. Не думаю, что они очень уж переживали. Продолжали расселяться по Северной, затем по Южной Америке. От Аляски до Патагонии они спустились примерно за шестьсот поколений. Долгое путешествие. К чему я это рассказываю? Всё просто. Предки чавин обосновались где-то в районе Мезоамерики, а затем сбежали от изменившегося климата и наконец очутились в Перу.

– И что с того? – нетерпеливо спросил Дима.

Он устал смотреть в зелёное полотно тента над головой и, повернувшись в гамаке, поглядывал на иссечённый ливневыми потоками лагерь, на разбухшую и вытопанную десятками ног дернину.

– Какое-то время пречавинцы жили в долине Мосна – той самой, где потом был основан Чавин-де-Уантар. Примерно за две тысячи лет до нашей эры они ушли в джунгли Амазонии. Горы в долине Мосна не такие высокие, как на юге Анд, а по межгорным лощинам открывается прямой выход к притокам Мараньона. Переход оказался несложным.

– И пречавинцы очутились примерно в этих местах?

– Плюс-минус, да.

– И строили поселения хотя бы вот здесь, где мы сегодня ночевали?

– *Хотя бы вот здесь.*

– Значит, чавинцы действительно связаны с Городом Солнца?

– Не знаю.

Аня переводила нехотя. Явно предпочла бы спать в палатке, с Зои. Была недовольна тем, что брат заставил её тащиться через лагерь и лежать в чужом гамаке. А ведь недавно жаловалась, что Дима её игнорирует... Однако последние слова Артуро произвели на неё впечатление. Аня выглянула из гамака и вслед за братом принялась осматривать стоянку, словно могла между деревьями обнаружить настоящих чавинцев, готовых лично раскрыть свою *величайшую тайну* – тайну, которой многие годы были одержимы и Шустов-старший, и Скоробогатов, и ярославский мануфактурщик Затрапезный, и перуанский плантатор дель Кампо, и бог ещё знает кто.

– А почему им не сиделось в Андах? – спросил Дима.

– Ну, Перу – не земли Ханаанские, чтобы с улыбкой снимать с них урожай, а потом на досуге молиться богам. Выше местных гор только Гималаи, а побережье тут засушливое – осадков выпадает меньше, чем в Сахаре или в Гоби. На всё Перу два процента земли по-настоящему пригодны для сельского хозяйства. Условия здесь, считай, экстремальные. Что же до того, почему предки чавинцев ушли именно сюда... Они знали, как тут выживать. Не забывай, пречавинцы изначально спустились из тропических лесов Мезоамерики. В общем, – подытожил Артуро, – за две тысячи лет до нашей эры они ушли в джунгли. Но через восемьсот лет неожиданно вернулись назад. И что они тут, в джунглях, делали восемь веков, никто не знает. Не осталось никаких свидетельств. Громадный, ничем не восполненный пробел в хронологии.

– Это и есть их *величайшая тайна*? – с разочарованием поморщился Дима.

– Нет. Они ведь тогда, после возвращения, разошлись по горам и побережью на тысячи километров. Шли целыми колониями, как... муравьи. Или как проповедники, несущие новую религию. Да, так точнее. Едва чавинцы появлялись на территории других царств, жизнь там преображалась.

Над лесом беззвучно хлестнула молния, отчего последние слова Артуро прозвучали почти пугающе. Племянник Дельгадо вяло усмехнулся. Его с Аней и Димой вновь опрокинуло в задумчивое молчание. Подмяв бортики гамаков, они безучастно слушали эхо грома, терявшегося в густых кронах и потому звучащего приглушённо.

Ливневая завеса вспыхивала серебряными отсветами молний – разбивалась на мириады крупных капель. Когда молнии мерцали затяжной пульсацией, капли казались пузырьками света, поднимавшимися от земли вместо того, чтобы на неё падать, и лагерь становился неправдоподобным, будто вырванным из чьих-то болезненных грёз или искажённых воспоминаний.

– На самом деле нельзя доказать, что расцвет доинкских цивилизаций связан с приходом чавинцев, – заговорил Артуро, едва стихли перекаты грома. – Хотя совпадение очевидное. Когда чавинцы расползлись по побережью, там началось строительство новых храмов, развитие художественной керамики, а главное, проектирование оросительных каналов. Причём ирригация похожа на... скажем так, нечто привнесённое.

– Почему? – Дима делал новые записи в «молескине».

Артуро, несмотря на усталость, рассказывал увлечённо, впервые за последние недели напоминая о своём преподавательском прошлом и многолетнем изучении доколониальной истории Перу.

– Ирригация требует много сил, если не знаешь, с какой стороны за неё взяться. Переход на земледелие для жителей побережья нелогичен.

– Так ведь... – попытался возразить Дима, но Артуро перебил его, не дожидаясь перевода от Ани:

– Течение Гумбольдта обеспечивало перуанцев едой. Даже с их примитивными технологиями. Одни только анчоусы могли прокормить до шести с половиной миллионов постоянного населения. А там в самых крупных центрах жили в лучшем случае по три тысячи человек. И всё же они занялись ирригацией. Тогда же прибрежные и горные центры стали возводить сооружения, ни в чём не уступавшие строениям инков, которые пришли спустя почти три тысячелетия. Вознёсся богатый Моксеке. В верховьях реки Хекетепеке местные жители вручную перекроили вершину горы Ла-Копа – превратили её в гигантский храм-пирамиду со ступенчатыми платформами. Впечатляет, согласись! В горах научились вытёсывать гранитные скульптуры и фризy. То есть они без металлических инструментов обрабатывали один из самых твёрдых камней! Тогда же индейцы впервые занялись выплавкой золота.

– И всё это после возвращения чавинцев из дождевых лесов?

– Да. И в поселениях, где они побывали, вместе с общим развитием появлялся отпечаток амазонских лесов.

– Какой отпечаток?

– Символика. – Артуро снял очки и, утомившись от собственного многословия, тёр влажную переносицу. – Изображения анаконды, каймана и ягуара. Они оказались повсюду. И в самых засушливых регионах. На керамике Уайра-йирка рисовали змей, капуцинов и очковую сову. Здания в Уака-де-лос-Рейес украшали каменные головы ягуаров. В Куписнике вообще высекали лица наполовину человеческие, наполовину кошачьи. И, конечно, любимые чавинцами U-образные храмы. Их возводили по всему побережью, и всякий раз храмы смотрели в глубь континента – в сторону гор, в сторону Амазонии. Подобных комплексов раскопано больше двадцати, а сколько их было тогда, никто не знает.

– Храм в Чавин-де-Уантаре тоже U-образный, – заметил Дима.

– Верно. Примерно за девятьсот лет до нашей эры чавинцы вернулись в долину Мосна. Их путешествие по другим царствам закончилось. И в месте, откуда некогда случился их исход в Амазонию, они построили главный шедевр. Храм, куда в последующие века стекались паломники из самых отдалённых горных и прибрежных городов. Поверь, храм действительно уникальный. Знаю, сейчас он не впечатляет, но технологии... Раньше так никто не строил. Подземные галереи с сотнями вентиляционных шахт, каналы воздуходувов. Циркуляцию воздуха обеспечивала разница температур внутри и снаружи самых уединённых помещений. Использование оптических иллюзий... – перечислял Артуро. – Массивные резные головы, каждая весом в полтонны, – они будто парили в воздухе, а на деле вставлялись каменным шипом в специаль-

ное углубление в стене. Тебе мало? Тогда подумай: дренажная система чавинцев справлялась с любыми ливнями и частично работает до сих пор! Храм разрушен, а дренажи, пожалуйста, сливают излишки воды даже в сезон дождей. Более того, чавинцы так переплели каменные желоба и каналы, что стекавшая по ним вода создавала звуковую иллюзию аплодисментов, которой жрецы ошеломляли свою «паству».

Артуро ненадолго замолк. Какое-то время пополнял список всего, что можно было назвать удивительным в наследии чавин, вроде гранитного моста, построенного над Уачичей, неподалёку от храма, и простоявшего там почти три тысячи лет. Наконец выдохнул:

– Так что нет. Вальтер Хосе лукавил. Чавин появились не на пустом месте. Кроме дикарей, как он выразился, *«размахивавших каменными топорами и вывихив на луну»*, там успели сформироваться хоть и слабые, но вполне обособленные культуры. Однако то, что чавинцам – в общем-то, небольшой группе людей – удалось преобразить дюжину чужих разрозненных царств, пару десятков полудиких поселений, объединить их под амазонскими символами... впечатляет.

– И что было потом? – спросил Дима.

– Потом всё рухнуло.

Артуро продолжал говорить, и Аня с ходу переводила его слова, по привычке поддерживая утомительное двухголосие, но Дима их больше не слушал. Смотрел на дальний тент. Там, возле пустовавших гамаков, возле закутанных в брезент вещей и сгруженных один к другому рюкзаков, – там стояла женщина.

Диме показалось, что это Сакеят, жена Титуса. Хватило мгновения, чтобы понять свою ошибку. Нет, туземка была совсем не похожа на Сакеят. Более того, она не была похожа ни на одного индейца из тех, кого Диме доводилось видеть раньше.

Под тентом затаилась старуха с неровно обрезанными волосами, с иссушённым телом и будто бы воспалённой кожей, с обвисшей сморщенной грудью – левая значительно ниже правой. На впалом животе у старухи красовался широкий пояс, от него отходила пропущенная между ногами тонкая лубяная полоска. Единственное украшение – низка с тыковками, в каждую из которых было вставлено по одному цветастому перу.

Дима, испуганный появлением дикарки, не произнёс ни слова. Вместо того чтобы окрикнуть Аню и Артуро, потянулся за тростью, стоявшей неподалёку. Слишком глубоко наклонился из гамака и, крутанувшись в нём, вывалился на влажную землю.

Тупая боль обожгла левое бедро и голые ступни.

Старуха неподвижно стояла под тентом – так, будто в её появлении не было ничего особенного, будто она и прежде укрывалась от дождя в лагере Скоробогатова и вообще шла с ними чуть ли не с первых дней экспедиции. С улыбкой смотрела прямоком на Диму. Старуху позабавил его кульбит. Вот только улыбалась она неприятно. Было в её взгляде что-то отталкивающее, болезненное, если не сказать одержимое.

Глава пятая. Два беглеца

Парню крепко досталось. Нос сломан, губы разбиты, правый глаз заплыл и жутковатая рана на ноге – к тому времени, когда Марден отыскал Максима, к ней присосалось всё, что могло присосаться. Как ещё кайманы не сбежались, непонятно. Только голова торчала из воды, облепленная крылой и бескрылой нечистью. Максим кричал, пока горло не надрывалось, потом терял сознание. Очнувшись, опять кричал. И правильно делал. Иначе Марден его бы не нашёл. Тропки в Пасти каймана встречаются, но их быстро глушит подвижная растительность. Искать следы бессмысленно.

Нет, на самом деле ничего особенного. Марден всякого повидал. Видел лодочника – из тех, что развозит по Амазонке кирпич, жестянку и прочее строительное барахло, – так вот ему случилось по молодости перебраться и нахамить не тому человеку. Очнулся он поутру, привязанный к пушечному дереву с огненными муравьями. От укусов такой дурниной орал, что его за километр услышали в Санта-Кларе, хотя обычно в лесах дальше двухсот-трёхсот метров не докричишься. В джунглях и выстрел-то за километр не всегда слышать. Пока добрались до муравейника, пока снимали его оттуда, он весь распух и покрылся волдырями. И ничего. Жив остался. Но сидеть на цепи в Пасти каймана тоже неплохая история. С цепью в итоге больше всего мороки вышло. Одни наручники Марден прорубил, а дальше возиться не стал, не до того, когда у тебя на руках дух выпускают. В общем, Максима пришлось тащить с его побрякушками. Сам Марден нёс парня, а Лучо бежал сзади, нёс цепь, будто держал их обоих на поводке и выгуливал в Пасти каймана.

Лучо – Луис Васкес Санта Крус, будь он неладен со своей пронырливостью – тогда был довольный, разве кипятком не писался. Ведь, по сути, он спас Максима. Когда тот объявился в Белене и когда выяснилось, что за ним с его друзьями следят, Марден предпочёл свалить подальше – Серхио предупреждал о людях, с которыми поссорился, рассказывал, на что они способны. Всё честно. Проверять слова Шустова не хотелось, вот Марден и надумал до времени затаиться, а Лучо тогда по собственной дури взялся следить за Максимом. Прошёлся до отеля в Икитосе, прокатился в Науту. Шёл за ним по пятам и под конец увидел его встречу с незнакомцем, то есть, как теперь знал Марден, с Артуро, племянником Дельгадо и Исабель. Хорошая семейка. Максим в итоге уплыл на «Pedrito III» и вроде бы как в лодку садился без рукоприкладства, но с явными угрозами. Лучо этого хватило, чтобы рвануть назад, в Икитос, и там буквально сорвать Мардена с толчка.

Уплыл, да и ладно. Мало ли кто где плавает. Но Мардена смутило название лодки. «Pedrito III». Знал её хозяина. Та ещё погань. За деньги и мать и отца увезёт к чёрту на рога и слова на прощание не скажет. Может, однажды так и поступил – о его родителях Марден ничего не слышал. Говорят, он так под туристов кладётся, что за сотню солей пустил приезжих французов с камерами смотреть, как рожает его жена. Брехня. Нет, пустить-то, разумеется, пустил, но взял не меньше тысячи. В общем, дело было подозрительное. А главное, в «Pedrito III» Максима и Артуро помимо лодочника поджидал третий пассажир – тот самый, что следил за Максом в Белене.

Марден предпочёл бы разобраться со всем наутро, но Лучо не отходил от него, твердил, что к утру следов не найти, что Шустова-младшего там закопают, что потом придут за ним, за Марденом. Много чего говорил. Знал, поганец, что Максим – сын Серхио. Понял, когда разглядел его получше, а Шустова-старшего Лучо любил. Видел-то мельком, но запомнил. Оно и понятно.

В итоге Марден сорвался под ночь, приехал в Науту, вытащил лодочника из постели и допросил его как следует. Не посмотрел на лежавшую рядом жену. А жена, осоловевшая, послушала, о чём они говорят, и повернулась к стене. Надо полагать, привыкла к развлечениям

мужа. Часом позже Марден, Лучо и лодочник уже сидели в «Pedrito III», плыли к Пасти каймана.

Макс две недели провалялся в кровати. Нос ему вправили, правда, он сейчас кривоват, синяки подлечили. С ногой было сложнее. Пуля зацепила икру, до кости не добралась, но рана успела хорошенько подгнить. Марден вызвал знакомого врача, оставил Лучо следить за ними, а сам вновь наведалься в Пасть каймана: бросил там цепь с наручниками – сломанный браслет пришлось починить, – заодно порвал и побросал по округе одежду Максима. Если вернутся проверять, пусть думают, что его сожрали, целиком, без остатка. Кайманы начали, а прочая пакость довершила.

И нет бы Максиму поблагодарить Мардена, отсчитать ему парочку-другую сереньких или голубеньких, махнуть ручкой на прощание – жив и радуйся. Но нет... Макс, как пришёл в себя, поднял кипиш. И вот вместо того, чтобы трудиться над бутылочкой чего-нибудь охлаждённого, пережидая сезон дождей там, где его и следует пережидать, то есть подальше от джунглей, Марден в итоге сидит на дереве, как одуревшая макака, – успевай отряхиваться от пауков и муравьёв.

В последние дни Аню, Диму и Екатерину Васильевну почти не охраняли. Раньше им шагу не давали сделать без сопровождения, разве что в туалет не отводили под ручку и не помогали портки снимать, а теперь над ними никто не висит. Оно и понятно. Куда им бежать? Вот Максим и придумал полюбоваться матерью и друзьями вблизи. Не пришёл посоветоваться, ни о чём не спросил – просто заявил, что обгонит экспедицию и затаится над ними в ветвях.

– Пойду один. Если со мной что-то случится, возвращайтесь с Лучо домой.

Пойду один... Удумал. А платить кто будет? Нет, деньги, обещанные за сопровождение, Шустов-младший отдал заранее, но чаевые никто не отменял. В итоге на разведку отправились втроём. Вышли ночью. Нарочно петляли, стараясь идти по затопленным местам. Дожди пока прекратились, но воды в лесу оставалось предостаточно. Вода хорошо скрадывала следы. Проклятушим агуаруна дай повод, они тебя в два счёта отыщут по самому неприметному отпечатку. Сапоги перед выходом замотали банановыми листьями, чтобы спрятать рисунок подошв. Сами обмазались илом и грязью, а рюкзаки, ружьё и прочие вещи, кроме гамаков, закопали во временный схрон.

Марден наметил возможное направление экспедиции. Знал, где пойдут агуаруна. Когда с тобой лодки и мулы, выбираешь путь попроще. Правда, два мула у Скоробогатова подошли. Неудивительно. Скотина, конечно, крепкая – не то что лошади. Болеют реже и жрут что дают. Не ерепенятся, когда клещи обсосут им ноздри и глаза. Но в джунглях любая скотина, упряжная и выючная, истощается. Измученная ночными вампирами и слишком грубой травой, в конце концов помирает.

Первого мула у Скоробогатова два дня назад укусила гремучка. Что случилось со вторым, Марден не понял. Обоих мулов индейцы благополучно завялили. Запасов, конечно, прибавилось, но в остальном носильщикам пришлось невесело. Шли они медленнее, остановки делали чаще. На стоянках кандоши собачились с агуаруна, а вместе они грызлись с метисами. Станешь тут нервным, когда тебе в лагерь подбрасывают окровавленное чучело ленивца, а потом прячут на твоём пути новые ловушки, на этот раз более скрытные. Одному из носильщиков прилетело зазубренными колышками по ногам: наступил на растяжку и получил хлёсткий удар под самые сухожилия. Правда, отделался царапинами. О ведьме и говорить нечего. Рядом с ней нервничали даже агуаруна. История повторялась. Мардену пока не удалось рассмотреть старуху, однако он не сомневался, что ведьма та же. Скоробогатов, как и Шустов, не стал её прогонять. Молча смирился с присутствием дикарки.

Позавчера, заметив старую ведьму, Марден заявил Максиму, что пойдёт с ним не дальше того места, где три года назад оставил его отца. Вот почему Макс решил карабкаться на дерево – торопился, искал возможность скорее выволить пленников. Но Марден не удивился

бы, узнав, что парень разрывается между желанием героически спасти близких – лихо влететь в лагерь под улюлюканье шерстистых обезьян – и желанием, опередив Скоробогатова, самому добраться до Города Солнца.

Парень в Икитосе мозг вынес разговорами о возрождённом Эдеме. Стоило заглянуть к нему, чтобы поставить очередной укол и сменить повязку, как начиналась пытка с рассказами о правителе мира мёртвых Ямарадже, о спустивших состояние Затрапезном и дель Кампо, о художнике Берге, похороненном задолго до подлинной смерти и рисовавшем двойные картины. Марден поначалу решил, что Шустов-младший бредит, а потом сообразил, что парень пытается его соблазнить.

– Загадки, шифры... – Максим не давал Мардену выйти из дома. – Если бы отец сразу открыл мне всю историю целиком, я бы отдал и письма, и тетради людям Скоробогатова. Отец догадывался, что в Перу ни меня, ни маму так просто не вытянуть. Вот и пустил нас по путаной тропке через полмира, то и дело подкармливая новыми сведениями. Разыграл спектакль. Собрал декорации, распределил роли. Я одного не понимаю: зачем? Он расшифровал дневник Затрапезного, нашёл в его переплёте карту, за которой охотился много лет, наконец отправился на поиски возрождённого Эдема... Но зачем вести нас за собой?!

Марден отплевывался. Брехня. Его заинтересовал лишь рассказ о *теньях*, преследовавших рабов с плантации дель Кампо, а затем нагнавших страху на Исабель. *«Погибли они не от тропических болезней или укусов змей, а по воле разъярённого бога, не пожелавшего их отпустить и пославшего в след за ними тени своего гнева»*. *«Просто шла вперёд, а потом всё изменилось. Тени всегда были рядом. Они меня видели, но не тронули»*. Сюда можно добавить картину Вердехо, одного из соляриев. Беглый художник якобы изобразил безголовых индейцев с разъярённым лицом на груди. В последние дни Марден часто вспоминал об этой чертовщине. В очередной раз убедился, что, отказавшись до конца сопровождать Шустова-старшего, поступил правильно.

– Идут, – прошептал Лучо.

– Ну так и молчи, раз идут, мелкий недоумок...

Из-за деревьев, обвитых паразитными корнями фикуса, появился следопыт агуаруна. Потом потянулись остальные. Послышались окрики погонщиков и приглушённый гомон разговоров. Старухи не видать. Значит, как и в прошлый раз, ведьма жила по своей воле: то плелась с остальными, то пропадала в чащобе.

Марден, Лучо и Максим висели в гамаках. Ткань снаружи облепили ветками и лапчатыми листьями, а крепёжные концы стянули. Получился и не гамак, а настоящий кокон – вроде тех, что на шёлковой нити вывешивают ночные бабочки. Выглядывали в щель между притянутыми друг к другу краями ткани. Сидели подобрав колени под самый подбородок, отчего быстро затекли ноги, но любое другое расположение на дереве было бы опасным: и агуаруна заметят, и всякая пакость не даст покоя, будет лезть во все прикрытые и неприкрытые отверстия.

Марден провожал взглядом каждого члена экспедиции. Ничего исключительного не разглядел. Сам Скоробогатов шёл твёрдо, усталости не выказывал. Его сопровождение не отставало. По-настоящему дохлыми смотрелись только толстяк Покачалов и Дима. За ними брели Аня, мальчишка индеец из агуаруна и девчонка с татуировкой колибри, Марден забыл, как её зовут. Следом появились днища перевёрнутых лодок и изнывавшие под тяжестью тюков мулы. Вот и Екатерина Васильевна. На вчерашней стоянке опять положила записку. Марден запретил Лучо туда ходить – побоялся, что агуаруна, раззадоренные ловушками и появлением ведьмы, не преминут наведаться в старый лагерь и вообще с удвоенным вниманием начнут рыскать по округе. В итоге записку отправился искать Максим. Нашёл или нет, не сказал. Идея посадить парня на цепь уже не казалась Мардену столь изощрённой – надо полагать, довёл человека.

– Ушли, – прошептал Лучо.

– Вот и не кукуй, – огрызнулся Марден. – Сиди тихо.

– Сижу.

Неподалёку взревела обезьяна-ревун. Голос у неё, как долгая громогласная отрывка. А туристы обычно трясутся – думают, ягуара услышали. Вот и Максим пусть себе трясётся. Марден вчера признался ему, что видел следы ягуара возле их бивака. Зверь по ночам крутился рядом, на глаза не показывался. Не хватало под конец столкнуться с ним мордой к морде.

Одинокий рёв не прекращался, пока небо не ответило ему громовым перекатом. Ещё мгновение стояла привычная для джунглей тишина из переплетённого духотой клёкота, стрекота, жужжания, свиста и заунывных переключек, а следом хлынуло во все открытые заслонки – даже в унитаз вода не мчится с такой прытью. Ветви дерева, а с ними гамаки дрогнули. В грохоте Марден первым выбрался из кокона, затем помог Лучо. Когда же он раздвинул кромки гамака, в котором прятался Максим, ему навстречу рванул птицеед. Марден, позабыв осторожность, выругался в голос. Птицеед, конечно, не древолаз, но приятного мало. Парень молодец. Терпел соседство с пауком, не пикал. Марден посмотрел на него с молчаливым одобрением и вынужденно признал: шустовская порода в нём чувствуется.

Серхио Мардену никогда не нравился. В Шустове-старшем с первого знакомства угадывалось что-то чрезмерное, чувствовался внутренний мотор, работающий круглые сутки. Дельгадо, знакомя проводника с Серхио, улыбаясь мерзкой улыбочкой, назвал того пытливым исследователем, жаждущим познания через все доступные каналы. Так и сказал, чёрт возьми. Если бы Марден слышал нечто подобное про кого-нибудь ещё, оборжался бы до колик. Но достаточно было пожать руку Серхио и заглянуть ему в глаза, и всякая насмешка, не успев вырваться, усыхала. Марден его побаивался. От таких лучше держаться подальше.

– Я всех видел, – отчитался Лучо.

– А ты? – Марден, срывая с гамаков маскировочную мишуру, покосился на Максима. – Получил, что хотел?

– Получил, – кивнул Максим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.